

По следам факира Сиволота

“... Я думаю, что огня и гения больше всего у Бабеля и Всеволода Иванова”.

Борис Пастернак

(Из письма В.С. Познеру
1 мая 1929 г.)

Вс. Иванов.

Литография художника Г. С. Верейского

Один из наших знаменитых земляков, тех, кто оставил яркий след в истории родного края, кто своей жизнью и творчеством прославил Павлодарское Прииртышье - известный советский писатель Всеволод Иванов, уроженец села Лебяжье (ныне Акку) Павлодарской области.

Его творческая судьба трагична дважды. Названный еще в молодые годы классиком, родоначальником советской литературы, он не мог опубликовать позднее многие свои произведения (так как от него ждали вещей, подобных знаменитому “Бронепоезду 14-69” или партизанским рассказам), а он не хотел повторяться, писал своеобразно и всегда по-новому...

Трагическая участь постигла его произведения и в конце 20-го века, уже после смерти писателя. Как это часто у нас бывает, “вместе с водой выплеснули и ребенка”. Ниспровергая советскую власть, “выбрасывали с корабля современности” и советскую литературу. В том числе, разумеется, и творчество Всеволода Иванова - одного из ее родоначальников.

“Я полагаю, что Всеволода Иванова еще не прочли и не оценили по-настоящему, и такая оценка будет ему еще дана если не в конце нашего, то в начале будущего века”, - писал замечательный русский поэт Леонид Мартынов.

И вот он, “будущий век” - уже наступил. Давайте же вспомним нашего талантливую земляка, перечтем его лучшие книги. Я предлагаю читателям совершить вместе со мной своеобразную литературную экскурсию - “По следам факира Сиволота”. Основными пунктами в ней будут село Акку (Лебяжье), Павлодар, Омск, Москва и Переделкино.

Родители

“Судьба писателя - тоже художественное произведение, не менее важное в истории, чем тексты, уходящие, отмирающие, рассыпающиеся в прах, удачные и не очень, застилаемые мглой забвения”, - написала известный современный литературовед Наталья Иванова.

Судьба Всеволода Иванова - произведение удивительное. Его биографию читаешь как детектив. Пожалуй, ни у одного советского писателя такой не было. В ней столько фантастического, необычного, такое переплетение правды и вымысла, столько событий и встреч, что хватило бы на десять судеб.

- Сумятица моей жизни началась уже при рождении, - с юмором говорил Иванов. - Ведь мне так и не удалось выяснить точно, когда я родился.

“Дату его рождения никто не запоминает, - пишет его внук Антон в книге “Всеволод Иванов”. - А метрическое свидетельство? Оно сгорело вместе с церковью, в которой хранилось”.

Дата была установлена потом, крайне приблизительно: 24 февраля 1895 года. Позже, по уверению матери, он родиться не мог, ибо вскоре появился на свет его младший брат.

- Когда Всеволод Вячеславович писал автобиографии, каждый раз он писал их по-новому, - вспоминала его жена Т.В. Иванова. - На вопросы,

почему он так поступает, сбивая с толку настоящих и будущих исследователей, он отвечал: “Я же писатель. Мне скучно повторять одно и то же”.

Итак, в начале 1895 года в семье Вячеслава Алексеевича Иванова, учителя Лебяжинской сельской школы, родился мальчик, которого назвали Всеволодом. Учитель был уважаемым человеком в селе, знал несколько языков (арабский и французский выучил по самоучителям), прекрасно говорил по-казахски. Кстати, сегодняшние старожилы села (чьи бабушки и дедушки общались с Ивановыми) утверждают, что дед знаменитого писателя был казахом. Может быть, отличное знание казахского языка Вячеславом Алексеевичем служило этому убеждению, может быть, внешний вид учителя. “Странно и фантастично было... его лицо, - писал об отце Вс. Иванов, - необыкновенно смуглое, с черными пылающими глазами и тонкими, словно из проволоки бровями...” Так что, кто знает... Но сам Вячеслав Алексеевич, большой выдумщик и фантазер, рассказывал друзьям-станичникам, что он “незаконный сын” туркестанского генерал-губернатора генерала Кауфмана.

Учитель Иванов был прекрасным рассказчиком, пробовал писать (в архиве сына сохранились его исписанные тетради). Яркость воображения и тягу к путешествиям Всеволод Вячеславович, несомненно, унаследовал от отца.

“Рассказы моего отца делали наш черный вязкий хлеб мягким и съедобным. Он возмущался: только дураки могут говорить об унылости пейзажа! Какая унылость, когда скоро вокруг Лебяжьего вырастут эвкалипты, хлопок, кедры, тюльпаны, виноградники! Там, где теперь перекасти-поле и горькая полынь, протянутся разбитые гряды, и лозняк, годный пока для порки и для плетения

“морд”, перерастет в приятную виноградную лозу...” (“Похождения факира”).

В первой части романа “Похождения факира” Вс. Иванов дает яркий портрет своей бабушки по матери - Феклы Ивановны Савицкой. В реальности она была очень нужным в селе человеком - умелой повивальной бабкой. У нее было четверо дочерей. “Анфиса вышла замуж за павлодарского подрядчика Петрова, Акулина - за своего, станичного - Николая Пестова, Фелицата - за пожарника Ивана Васильевича Заливина (павлодарца - О.Г.), а Ирина - за сельского учителя Вячеслава Иванова”. (П. Косенко, “Факир Сиволот”).

Происходили Савицкие из ссыльных польских конфедератов.

Мать будущего писателя была женщиной неграмотной, но вполне уважаемой, из тех, что называли тогда “мещанками”, вкладывая в это слово качества скорее положительные: добропорядочность, основательность, надежность... Наверное, жизнь с таким неугомонным человеком, как Вячеслав Алексеевич, доставляла ей немало хлопот, и когда старший сын унаследовал от отца тягу к “бродяжничеству” и писательству, она была не очень довольна. Ирина Семеновна, по свидетельствам очевидцев, больше любила младшего Палладия - мальчика тихого, послушного и болезненного...

Жизнь отца закончилась трагически. Этот случай описал Вс. Иванов и в своем автобиографическом очерке “История моих книг”, и в рассказе “Отец и мать” (1921). В 1919 году Всеволод был в Омске, в рядах красногвардейцев защищал город от белочехов (еще один сюжет для рассказа: его в суматохе забыли снять с поста - охраны пороховых складов). Вдвоем с другим красногвардейцем им удалось убежать из осажденного города, и Всеволод добрался до станицы Талицкой, где в это время жили его родители и младший брат Палладий. Родителей приход сына

обрадовал - они уже не надеялись увидеть его живым. Всеволод попросил их не рассказывать в селе о том, что он служил в Красной Армии - казаки не очень любили красных. Но деревня есть деревня...

Как-то днем он охотился на уток. Вернувшись с охоты, Всеволод зашел в дом и оставил ружье, не вытащив из него один патрон. Отец сидел в этой комнате спиной к двери, он давал урок французского языка гимназисту, сыну станичного атамана. Палладий взял ружье и, решив пошутить, направил его на отца и нажал курок... Весь заряд попал в шею отцу. Спасти его было невозможно. Хотя у этого несчастного случая был и свидетель, но по селу поползли слухи, мол, это сын-красногвардеец убил отца... Всеволод, Палладий и Ирина Семеновна срочно уехали в Омск.

В Омске тогда свирепствовали эпидемии. К Палладию, который страдал приступами малярии, вызвали врача. Брата увезли в холерный барак, где он умер. Мать в отчаянии от потери любимого сына уехала к родственникам в Павлодар...

Когда Всеволод Вячеславович станет известным писателем и состоятельным по тем временам человеком, он заберет мать в Москву. Но взаимопонимания у них так и не было. "Образ жизни сына Ирине Семеновне решительно не понравился - деньги бросает черт те на что, а своего дома купить не может", - пишет П. Косенко.

Однажды ее сводили во МХАТ на "Бронепоезд 14-69". Спектакль ей не понравился, и она отчаянно ругала сына: "Порядочных людей в самом начале осрамил, а дальше одна серость людская осталась, ее и показывали. А чего таких смотреть, я их в жизни насмотрелась".

Но до всех этих событий и переживаний еще далеко... Пока же маленький Всеволод бегает по густой и горячей пыли Лебяжьего, легко говорит по-казахски со своими друзьями и... впитывает в себя, как губка, все, что его окружает.

- Севолодка! Сиволот! Айда на Иртыш! - кричали друзья, переименовая трудное для них произношение имя "Всеволод".

"Одним из лучших воспоминаний моего детства навсегда останутся песни под домбру, услышанные где-нибудь в "джатаке", на окраине казахского поселка. Мы, казачата, с раннего детства знали два языка: русский и казахский - так нас тесно жизнь сталкивала с казахами. Помню темную закоптелую мазанку, окно, затянутое промасленной кожей. Зима. Сидим на черной кошме, пахнет дымом и куртом - сыром, а за окном такое сверкание снегов, что оно прорывается сквозь тусклую кожу "брюшины". Пастух берет домбру, - и голос певца вдруг поднимает весну, разлив Иртыша, колыхание трав и выход в степь - всю неистребимую тоску надежды.

Прошло много лет. Но какой сладкой тоской наполняется сердце, когда услышишь казахский язык певца..."

Через много лет, в Петрограде, будучи членом литературной группы "Серапионовы братья", Вс. Иванов иногда демонстрировал свои знания казахского. Константин Федин вспоминал: "... Напоследок уговаривали Всеволода Иванова прочитать стихи по-казахски, и непонятный язык наделял происходящее такой загадочной важностью, что мы расходились по домам, точно приподнятые парадом".

"О, Лебязье..."

Есть такие места, названия которых неизбежно ассоциируются в нашей памяти с именами писателей или поэтов, в них живших. Карауыл - это Абай, Баянаул - Султанмахмут Торайгыров, станица Вешенская - непременно Шолохов, Сростки - Шукшин, деревня Овсянка - Виктор Астафьев и много, много других примеров.

Этих сел, аулов, станиц чаще всего нет даже на большой географической карте, но они - столицы карты литературной...

Так и Лебяжье навсегда вошло в контекст мировой литературы благодаря нашему земляку Всеволоду Иванову. Он уехал отсюда в 14 лет, но родные места вновь и вновь “всплывают” в его рассказах, повестях и романах, описываются с юмором, теплой усмешкой и всегда - с любовью.

“...Лебяжье, так же как и вся страна, наполнено жарой, но Лебяжье тем хорошо, что рядом колышется Иртыш с его широкой влагой и с его неистребимой красотой, которая постепенно переходит на людей...”. Эти строки из третьей части романа “Похождения факира” как нельзя подходили к тому палящему июльскому дню, когда я ехала по Лебяжинскому району. Все те же бескрайние степи - как и сто лет назад, все тот же Иртыш, правда, изменивший свое русло и снесший в 50-х годах часть старого Лебяжьего. Ушел под воду и дом, где жила семья учителя Иванова. Сейчас на этом месте - широкая протока с обрывистым правым берегом и пологим, песчаным - левым. А Иртыш-батюшка, пошалив, вернулся в старое русло...

Центральная, самая длинная улица с. Акку носит имя Всеволода Иванова. Она идет параллельно Иртышу, на ней - и клуб, и школа, и акимат - вполне современные здания, лишь часть домов сохранилась одноэтажных, старой постройки.

В клубе готовится к открытию новый краеведческий музей, один из стендов которого будет посвящен земляку-писателю. Здесь разместятся десять фотографий Всеволода Иванова, в основном это снимки его многочисленных путешествий:

писатель у пирамиды Хеопса в Каире ; встреча в Японии; в путешествии по Сибири - в районе строительства БАМа; на берегу Иртыша (поездка в Семипалатинск в 1948 г.)... “Гаванью отдохновения” стали для Всеволода поездки в самые дикие, нехоженые места, - вспоминала Т.В. Иванова, - предпочтительно в горы, где он “долбил”, то есть долотом и зубилом добывал понравившуюся ему породу. У Всеволода была страсть к камням, возраставшая с каждым годом...”. Именно такой момент запечатлен на одной из фотографий: писатель держит в руках очередной “камешек” и внимательно его рассматривает (на фоне огромного валуна).

Приготовлена для нового музея с. Акку и папка “Всеволод Вячеславович Иванов”, в которой собраны вырезки о писателе и его произведения из районной газеты “Ленинский путь” и областной “Звезды Прииртышья”. Многие рассказы Вс. Иванова впервые были напечатаны на страницах именно этих газет. “Звезда Прииртышья” попала несколько раз в комментарии полного собрания сочинений писателя. Так, в пятом томе указано: рассказ “Агасфер” - впервые, посмертно, в газете “Звезда Прииртышья” (Павлодар), 1965 г. “Опаловая лента” - там же.

В восьмом томе: очерк “Кондратий Худяков” - впервые, посмертно, в газете “Звезда Прииртышья” (Павлодар), 1964 г. Очерк “Антон Сорокин” - там же.

В средней казахской школе с. Акку недавно оформлен новый стенд о писателе-земляке. В школьной библиотеке библиотекари Жанар Сагнаева и Жанар Бисекеева показали многочисленные книги Вс. Иванова, хранящиеся в фонде. Две из них

особенно дороги - их подарила дочь писателя Татьяна со своим автографом в 1972 году, когда приезжала в Лебяжье на Ивановскую конференцию.

И еще от одной цитаты не могу удержаться. Это просто стихотворение в прозе, песнь родным местам!

“... О, это Лебяжье! О, этот Павлодар! Я и посейчас вижу, как во сне, эти бесконечно пыльные улицы, по которым не спеша шагают люди, каждый из которых непременно самородок. Павлодар, в сущности, есть расширенное Лебяжье, с прогимназией, казачьим управлением, городской думой, с полицейскими участками. В Лебяжьем вместо полицейского - поселковый атаман, вместо прогимназии, городского училища и сельскохозяйственной школы - Вячеслав Иванов с его тремя десятками учеников. Но возле высокого песчаного берега в Лебяжьем такая же пристань, как и в Павлодаре, а за поселком несколько мельниц, курганы, степь. Вдоль улицы ни одного дерева, и всегда, когда бы и сколько бы там я ни бывал, вдоль улицы идет теленок. Будь лебяженцы грамотными, они написали бы о своем поселке, о своих чувствах, о своем теленке великое множество книг...”

Президент Байдарской республики

С небольшим преувеличением можно сказать, что с Лебяжьего началась переписка и долгая дружба Вс. Иванова с Горьким. Хотя первое свое письмо начинающий писатель отправил ему из Кургана, где пять лет (с 1912 года) работал в типографии, но известно, что к письму Иванов приложил рассказ “На Иртыше” (в других редакциях “По Иртышу”). А действие его начинается именно в Лебяжьем! Герой рассказа Буран “пришел к нам в Лебяжье месяца два тому назад, отрекомендовался мне каким-то техником и живет...”

Так что Алексей Максимович из первого же письма Вс. Иванова узнал о существовании этого села. В своем ответе молодому писателю Горький написал, что “На Иртыше” - “славная вещица”, что она будет напечатана в сборнике писателей-

пролетариев, что у автора есть литературное дарование и ему нужно серьезно учиться.

Можно было представить себе восторг наборщика типографии и начинающего сотрудника газеты при получении письма от самого Горького, чья слава гремела по всей России!

Такое событие нужно было отметить! Но денег нет... И новоявленный писатель отрезает голенища у только что купленных новых сапог, продает их, накупает угощения и устраивает пирушку для типографских товарищей... Сам он, кстати, никогда не пил.

Переписка Горького и Иванова охватывает двадцать лет, сохранилось более шестидесяти писем. А.М. Горький ввел в большую литературу нашего земляка и внимательно следил за его творчеством.

Алексей Максимович восторженно приветствовал первую часть “Похождений факира”. Вот что он писал Вс. Иванову: “Дорогой и замечательный “сваволот”! “Похождения факира” прочитал жадно, точно ласкал любимую после долгой разлуки. Вот, - не преувеличиваю! Какая прекрасная, глубокая искренность горит и звучит на каждой странице, и какая душевная бодрость, ясность...”.

Вс. Иванов неоднократно в своих произведениях обращается к образу отца и картинам Лебяжьего, неизменно с ним связанным. Горький очень ценил эти зарисовки. В письме от 10 января 1936 года он писал автору по поводу третьей части “Похождений факира”: “... Очень хороши страницы, где Вы пишете отца, и, если бы Вы отнеслись к этой фигуре более внимательно, - наша литература получила бы своего Тиля, Тартарена, Кола Брюньона”.

Алексей Максимович говорил жене Иванова: "Всеволода я люблю как сына, и не перестаю жалеть, что он не осознает меры своего таланта".

"Обо мне Горький всегда думал неправильно, - запишет в дневнике 29 марта 1943 года Вс. Иванов. - Он ждал от меня того реализма, которым был сам наполнен до последнего волоска. Но мой "реализм" был совсем другой, и это его, - не то, чтобы злило, - а приводило в недоумение и он всячески направлял меня в русло своего реализма. Я понимал, что в нем, этом русле, мне удобней и тише плыть, я и пытался даже, но, к сожалению, мой корабль был или слишком грузен, или слишком мелок, короче говоря, я до сих пор все еще другой, и, дай бог, остаться этим другим, - противоречивым, шальным, тщеславным, скромным..."

В год смерти Горького (1936) несколько писателей, в том числе Иванов с женой, гостили у него в Тессели. Чтобы развлечь Алексея Максимовича, Маршак придумал игру: Тессели - столица Байдарской республики (Байдарские ворота видны там отовсюду), Горький - президент этой республики, Маршак - министр просвещения, А.Д. Сперанский - министр здравоохранения, Иванов - главный жрец (в республике были восстановлены древние жреческие культы). Был придуман "байдарский язык" и "байдарский церемониал". Правда, Горькому эта игра не очень понравилась. Может быть, испугался "инакомыслия"...

Еще одна запись из "Дневников" Вс.Иванова о своем учителе (18 мая 1944 года): "...Сидим, закрыв окна, читаем Горького: превосходный писатель, широко размахивается, по-богатырски, а валит кустарник, ибо воюет не с дремучим лесом, - куда заглянуть боится - как бы не заблудиться! - а с парком. И затем, странное отношение к России, - будто он знает больше, чем она. И, вообще, гордыня неимоверная. Раньше мне нравились воспоминания его, а теперь они кажутся лапшой. Рассказы куда лучше, хотя система образов очень однообразна, а сентенции невыносимы. И все же человек великий - и дай нам бог побольше таких! Я не встречал другого, кто бы с такой верой верил в невозможное: возможность

перестроить мир и человека. Впрочем, вера тем и вера, чтоб верить в невероятное."

После смерти Горького семьи Пешковых и Ивановых продолжали дружить. Когда Всеволод Иванов праздновал 60-летний юбилей, от семьи Пешковых был привезен в Переделкино огромный торт, изображавший арену цирка, с факиром посередине и амфитеатром сидящими зрителями. Торт был шоколадно-марципаный, вспоминала Т.В.Иванова, и таких размеров, что гостям никак было его не съесть. Потом его долго доедали дети - свои, соседские и всех служащих городка писателей... "Факир" был символом творчества Иванова.

А впервые он увидел цирк и влюбился в него в маленьком заштатном городе Павлодаре.

Город, где родилась мечта

"...О, эта внезапность мышления! О, эта внезапность тщеславия... Ведь если пристальней приглядеться, то почти вся Сибирь ездит в Павлодар учиться тщеславию и внезапности мышления. В Лебяжье - настоящую родину тщеславия, в жалкий поселок - кто поедет, а Павлодар как-никак город. Мимо него тянутся плоты, буксирные пароходы тащат баржи, а пассажирские останавливаются ежедневно..."

Это лишь один отрывок из "Похождений факира", посвященных нашему славному городу. Тщеславие - то есть стремление к славе, к почитанию, Всеволод Иванов определяет как основное качество павлодарцев и лебяжинцев. Ну что ж. Может быть, благодаря именно этому, по определению словарей, "негативному качеству", столько земляков наших добились того, к чему стремились - поселковой, городской, казахстанской, а кое-кто и всемирной славы?

"...Прав ли мой отец, который вместе с мудрецом говорил, что "тщеславие есть начало всякой славы и добродетели", - размышляет Вс. Иванов.

Повесть "Чудесные похождения портного Фокина" начинается так: "О городе Павлодаре я упоминал, наверное, тысячу раз. Мне не стыдно еще раз напомнить. Там главное - пески..."

И в лучшем произведении писателя - первой части романа "Похождения

факира” (“Факир подходит к цирку”) - описание Павлодара начала 20-го века, его людей, его быта, его улиц и Иртыша...

В Павлодаре с именем Вс. Иванова связано три памятных места. Это Низшее Сельскохозяйственное училище (именно так писал его название Всеволод Вячеславович и пояснял: “Я нарочно пишу название его с заглавных букв: мне хочется отдать дань почтения этому учебному заведению, которое ознакомило меня в течение года с физикой, агрономией, географией, катехизисом и другими науками”). Здание сохранилось, оно стоит по улице Володарского (дом 129), рядом с горсадом.

В свободные часы он уходил на застекленную террасу первого этажа, читал и мечтал о далекой загадочной Индии. На террасе, в своем излюбленном месте, похожем в его воображении на огромный пароход, он напишет письмо: “Вот здесь сидел мальчик Всеволод Иванов, читал Жюль Верна и думал о том, что когда-нибудь он будет капитаном и поплывет в море. А пройдет много лет, это письмо найдет другой мальчик, прочтет и тоже будет мечтать о капитанстве.”

В училище Иванов проучился лишь год. Жизнь была не голодная, но скучная, а душа подростка рвалась к неизведанному - в дальние страны, необычайные приключения... Потом Всеволод работает помощником приказчика в магазине. В его обязанности входили и дальние поездки в степь с товарами. Благодаря этим “экспедициям” он увидел и хорошо изучил степной казахский быт. Потом плавает матросом по Иртышу. И, наконец, поступает в типографию - сначала вертит колесо ручной печатной машины, а вскоре осваивает и наборное ремесло. Эта профессия становится его основной работой в течение десяти с лишним лет. “Я... сам правил корректуры и сочинял афиши для павлодарского синематографа “Заря” и для цирка Коромыслова. Слава моя росла, благосостояние увеличивалось”, - с юмором вспоминал писатель.

Здание типографии, где работал Вс. Иванов, стоит в Павлодаре на ул. Фрунзе, 89. На нем барельеф писателя и памятная доска с надписью: “В этом доме находилась типография, в которой работал с 1910 по 1912 год советский писатель Всеволод Вячеславович Иванов”.

В честь 80-летия писателя его именем была названа улица в Павлодаре и областная типография.

Кроме сельскохозяйственного училища и здания бывшей типографии третья

памятное “ивановское” место - это улица Карла Маркса, на которой в то время стояла пожарная каланча (родственник Ивановых И.В. Заливин, муж тетки Фелицаты, как вы помните, работал пожарником). Но самое главное - здесь был построен цирк Коромыслова, цирк, который перевернул всю жизнь подростка, стал его мечтой! Здесь Всеволод увлекся факирством, здесь окрепла его мечта непременно дойти до Индии - сказочной страны, которая для многих романтиков была тогда олицетворением “духа”. На всю жизнь слово “Индия” стало для писателя символом мечты, воображения, фантазии... И юный Всеволод каждое лето отправлялся в путешествие.

В своей автобиографии много лет спустя он напишет: “С 14 лет начал шляться. Был пять лет типографским наборщиком, матросом, клоуном и факиром - “дервиш Бен-Али-Бей” (глотал шпаги, прокалывал себя булавками, прыгал через ножи и факелы, фокусы показывал), ходил по Томску с шарманкой; актерствовал в ярмарочных балаганах, был куплетистом в цирке, даже борцом”. Тема игры и “факирства” станет одним из лейтмотивов его творчества.

На арене балагана его впервые увидит будущий друг Мухтар Ауэзов.

28 декабря 1946 года писатель запишет в своем дневнике: “Сегодня получил телеграмму из Петропавловска, где 30 лет назад в газете “Приишимье” я напечатал свой первый рассказ, и печатался там часто. Там же, впервые, в 1914 году, я выступил “факиром”. Впрочем, “колол” ли я себя, на самом деле, - не помню, но что-то делал... я так много написал, что и на самом деле кажется, что колол”.

Конечно, довольно быстро “факиру Сивалоту” стала ясна убогость балаганной жизни, а быт странствующих циркачей вызывал только жалость... Но именно в цирке началась его литературная деятельность - он стал писать “антрэ”, маленькие сценки для клоунов, а потом и первые рассказы о цирковой жизни, жестко-реалистичные.

Но пока - Павлодар, и первый восторг от первого посещения цирка:

“...Я вышел из цирка. Чувства мои были разъединены, как разводят мосты для пропуска судов. Я отрекся от того, что хотел сделать, но что я хотел сделать вновь, я и сам еще не знал.

Дула метель. Я шел, покачиваясь. Цирк все еще тайно сиял вокруг меня. Я шел, подняв лицо к небу. У, как высоко мы вознесемся! Высоко, чуть ли не у Млечного Пути, я протяну свою проволоку и понесусь по ней, одетый в огненное

трико. И весь мир будет смотреть на меня...”

Писательство и стало его “факирством”, благодаря которому в 20-е годы прошедшего века на Всеволода Иванова “посмотрел весь мир”.

В 1960 году он пишет своему другу, художнику Виктору Уфимцеву: “...Хочется мне съездить на родину, в город Павлодар (где не был с 1918 года), Омск, Курган. Не знаю, хватит ли силенок: я быстро устаю, старость, 66-й все-таки”. Увы, так и не побывал больше Всеволод Вячеславович ни в Павлодаре, ни в Лебяжьем, ни в Омске.

Но земляки хранят память о нем. В литературном музее им. Бухар жырау более двух тысяч единиц хранения представляют его жизнь и творчество. Это переданные в дар павлодарцам вдовой писателя Тамарой Владимировной рукописи, фотографии, авторские машинописи романов и рассказов, личные вещи писателя, его письма. По описанию Т. В. Ивановой воссоздана обстановка рабочего кабинета Всеволода Вячеславовича в Переделкино. В одном из залов музея стоят рабочий стол писателя, книжный шкаф, кресло, кожаная ширма. Здесь и камни из его знаменитой коллекции, походный стакан, резная деревянная ваза для карандашей и много других экспонатов.

Павлодарские журналисты Роберт Штарк, Сергей Музалевский, Альберт Павлов, Тамара Карандашова, сотрудники краеведческого музея А. Сухова, М. Гапон, Э. Соколкин, филолог, педагог М. Шейнин и другие истинные поклонники творчества нашего земляка внесли в свое время большой вклад в ивановедение: ездили в Москву, где встречались с родственниками писателя, привозили оттуда экспонаты для литературного отдела краеведческого музея (позже - для музея литературы и искусства им. Бухар жырау), писали статьи и научные исследования. Переписка журналистов с Т.В. Ивановой также хранится в нашем литературном музее. А его нынешние сотрудники продолжают изучать и пропагандировать творчество Вс. Иванова.

Два павлодарца

Встречались ли лично два наших известных земляка - Всеволод Иванов и Павел Васильев? Пытаясь найти ответ на этот вопрос, я пересмотрела немало материалов в музеях, архивах и библиотеках. Но документального подтверждения таких встреч нет, хотя они могли состояться.

Первая “встреча” могла быть в Павлодаре в 1911 году. Слово “встреча” беру в кавычки, потому что тогда 16-летний Всеволод мог видеть двухлетнего Павла. Первый уже работал в павлодарской типографии и жил у родственников по ул. К. Маркса. А маленького Павлика привезли из Зайсана, где он родился, в дом деда и бабушки Ржанниковых, который стоял на соседней улице.

Вторая “встреча”, уже заочная, вполне могла произойти в Петропавловске, куда семья Васильевых приехала в 1916 году. В 1917 году Павел начинает учебу в Петропавловском высшем начальном училище. И именно в Петропавловской газете “Приишимье” в эти годы публиковались первые рассказы Всеволода Иванова, молодого наборщика типографии из Кургана, а потом и многочисленные корреспонденции и заметки, большей частью “обличительного” характера о “курганской жизни”. Юный Паша эти заметки вряд ли читал, но его отец Николай Корнилович, учитель - несомненно. (Кстати, Всеволод Иванов к тому времени настолько стал мастером в наборном деле, что свои рассказы он не записывал, а сразу набирал “из головы”).

Судьба словно водит их друг за другом... В 1920 году Васильевы живут в Омске, отец будущего поэта работает в школе. В июле 1920 года приезжает в Омск (после многочисленных злоключений) и Всеволод Иванов. В это время он писал своих “Партизан”, рассказы из будущего сборника “Седьмой берег” и уничтоженную им позже “Фарфоровую избушку”. Общался с Антоном Сорокиным, Леонидом Мартыновым, Николаем Ановым и многими другими известными омичами, с которыми через несколько лет будет общаться и Павел Васильев!

И, наконец, Москва. Ну тут уж земляки не могли не встретиться! В 30-е годы Вс. Иванов заведует отделом прозы в журнале “Красная новь”. В этом журнале в 1934 году печатаются “Стихи в честь Натальи” Павла Васильева, принесшие ему оглушительную популярность. Их цитировала тогда вся столица. Посвящались они дочери известного русского художника Петра Кончаловского, которого, по свидетельствам современников, Павел хорошо знал. И в то же время П.П. Кончаловский был очень дружен с Ивановыми! Наиболее известные портреты Вс. Иванова сделаны именно им (1940, 1941 гг.) и хранятся в Третьяковской галерее.

Роман Натальи Кончаловской и Павла Васильева подробно описан многими исследователями его жизни и творчества. Потом она вышла замуж за Сергея Михалкова и родила ему двух замечательно талантливых сыновей - Андрона и

Никиту. Так вот, в примечаниях к “Дневникам” Вс. Иванова читаем: “С. Михалков, женившись на Н.П. Кончаловской, стал бывать у Ивановых...”. Вот такой зигзаг судеб!

Известное стихотворение Павла Васильева "Верблюд", впервые опубликованное в альманахе "Земля и фабрика" (1931, №1), посвящено Виктору Уфимцеву. В. И. Уфимцев (1899-1964) - художник и поэт, Народный художник Узбекской ССР, в начале 20-х годов жил и работал в Омске. Он же - один из лучших друзей Всеволода Иванова. Писатель не раз гостил у него в Узбекистане. В. Уфимцев оставил воспоминания о друге, которые вошли в книгу "Всеволод Иванов - писатель и человек".

Фамилии Вс. Иванова и П. Васильева появляются рядом в последнем номере журнала “Новый мир” за 1934 год. Здесь печатается обращение советских писателей в связи с убийством С.М. Кирова: “...Наши ряды не дрогнут от гнусного выстрела убийцы. Диктатура пролетариата стальным ударом сокрушит агентуру контрреволюции”. Подписи: Гронский, Гладков, Леонов, Вс. Иванов, Малышкин, Сейфуллина, Лидин, Пастернак, П. Васильев, Шагинян...

Много общего было в творческой манере писателя и поэта: это необычайная яркость, образность, и в то же время - неповторимая индивидуальность. Лучше всего сказал об этом Павел Косенко: “...Первая черта, что объединяет двух замечательных советских художников, рожденных этим краем, - Павла Васильева и Всеволода Иванова, - это потрясающая яркость их слова.

И от необъятности степного простора, от богатырского Иртыша вторая роднящая их черта, - эпическая мощь таланта.

...Именно эти двое людей с простыми русскими фамилиями ввели Казахстан в великую русскую литературу”.

У того же Павла Косенко нашла я косвенное подтверждение встреч наших земляков. Он описывает свою личную встречу со Вс. Ивановым при защите диплома в Литинституте. Говоря о достоинствах статей П. Косенко о целине и о поэзии П. Васильева, писатель сказал: “...Мой земляк и друг замечательный поэт Павел Васильев был человеком очень яркого таланта” .

"...Я хорошо помню, - утверждает П. Косенко, - Иванов сказал: “Мой друг”.

Да, очень близко шли их судьбы, но... разными путями. Как сказал один из литераторов, вспоминая те годы: “Все мы были в одной реке”. Кто-то пытался

гresti против течения, кто-то послушно плыл по течению, но все это было “ в одной реке”. П. Васильев был из тех, кто плыл “против”: “По указке петь не буду сроду...” Трагическая его судьба хорошо известна.

Вс. Иванов, наоборот, десятки раз переделывал свои произведения (несомненно, ухудшая их), стараясь угодить цензорам и быть напечатанным. “Я боюсь, что из уважения к Советской власти и из желания ей быть полезным, я испортил весь свой аппарат художника”, - напишет он в дневнике 16 ноября 1942 года.(Вс.Иванов "Дневники", ИМЛИ РАН, "Наследие", 2001).

Оставаться человеком...

Каждый выбирает свой жизненный путь, и мы не вправе сегодня осуждать кого бы то ни было. Слишком суровая и бурная была река... Но, продолжая это сравнение, хочу сказать о том, что Всеволод Иванов все же всегда “плыл” по своему, по особому. Да, он не греб “против”. Скорее, он пытался в одиночку доплыть до того берега и обрести твердую почву под ногами. Но это было невозможно, и его все больше и больше несло по течению...

Но что, наверное, самое главное - в любых жизненных ситуациях он оставался Человеком и поступал по совести. Сергей Куняев в своей книге “Русский беркут” (о Павле Васильеве), рассказывая об обстановке, которая сложилась в литературной среде в начале 30-х годов, описывает такой случай: “31 мая 1931 года во время уничтожения кладбища Даниловского монастыря состоялось вскрытие могилы Николая Васильевича Гоголя, при котором присутствовали... “инженеры человеческих душ”. Кое-кто из них решил обзавестись “сувенирами”: Владимир Лидин позаимствовал кусок жилета с груди покойного, а Валентин Стенич - берцовую кость, которую водрузил на своем письменном столе. Всеволод Иванов был единственным из литераторов, кто не мог прийти в себя от этого кощунства. “Как можно после всего случившегося считать писателей высокодуховными людьми?!” - эти слова запомнила его жена Тамара Владимировна. Остальные отнеслись к осквернению могилы, как к должному”.

Поступки Всеволода Вячеславовича были негромки. О его благородстве и гражданском мужестве мы узнаем только сейчас, спустя сорок лет после его смерти. К примеру, некоторые знали, что супруга Вс. Иванова Тамара Владимировна (1900-1995) была до замужества с ним женой писателя И.Э. Бабея. Но немногие

знали о том, что ее сын Михаил Всеволодович Иванов (1927-2000), известный художник - это сын Бабея, усыновленный Ивановым. Свое отчество и фамилию

Семья Вс. Иванова и академика Капицы – Анна Алексеевна и Петр Леонидович.
Карловы Вары, 1958 г.

Всеволод Вячеславович дал и дочери Т.В. Ивановой Татьяне. Кто знает, как сложилась бы судьба Михаила, если бы он носил фамилию отца - И.Э. Бабея, расстрелянного в 1940-м году...

Еще один пример отношений Вс. Иванова с “неугодными” власти людьми. После 1946 года

известный физик П.Л. Капица был отстранен от должности директора Института физических проблем.

“...Тогда многие “раззнакомились”, кто из простого страха, беспринципности или осторожности, а иногда и по прямому указанию прекратили какие-либо контакты с нами. С другой стороны, в эти годы отец сблизился с двумя очень разными по стилю, но независимыми по духу писателями - В.В. Ивановым и М.М. Пришвиным”. (С.П. Капица “Читая письма отца”).

Петр Леонидович Капица (1894-1984) - выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии - на протяжении многих лет дружил с Вс. Ивановым, особенно в тот период (1946-1955), когда Капица, живя на даче на Николиной Горе, организовал небольшую домашнюю лабораторию, в которой велись исследования по физике плазмы, механике и др.

Примеров другого рода в те времена - несть числа. Например, отношение В. Катаева к Зощенко. У М. Зощенко после печально знаменитого постановления о журналах “Звезда” и “Ленинград” было состояние глубокой депрессии. Он был “померкший, беззвучный, замороженный - предсмертный”, по воспоминаниям Л. Чуковской. В сложный для М. Зощенко период В. Катаев заявил, что не может быть с ним в одной редколлегии журнала “Крокодил”... Катаев также выступил в 1946 году с одной из самых резких речей против М. Зощенко.

Да, каждый выживал, как может, но, к счастью, не все теряли при этом человеческий облик...

Омские находки

В Омском литературном музее им. Ф.М. Достоевского я впервые прочитала

“Самокладки киргизские”. Как Павел Васильев создал цикл стихов от имени Мухана Башметова и “Самокладки павлодарские”, так и Иванов, перевоплотившись в народного сказителя, акына, написал “Самокладки”, в которых проявились его знания казахского языка, обычаев, фольклора казахов. Полностью рукопись “Самокладок” находится в Омском областном краеведческом музее, в архиве П. Драверта. А в литературном одно из стихотворений - “Той” представлено в экспозиции, посвященной Вс. Иванову, еще несколько хранятся в архиве.

... Пой, уянчи, пой,
Добрый сытый той.
Желтый чий, расшитый шелком,
Точно снег бела кошма,
На кошме красна кайма.
Речь утихла,
Песня смолкла.
Юрта спит.
Встает в степи
Луна...

“Самокладки киргизские” Вс. Иванова были впервые опубликованы в 1921 году в омском журнале “Искусство”, два номера которого удалось выпустить в это нелегкое время группе молодых писателей и художников.

В 1964 году, в 7-ом номере журнала “Простор” вышла подборка “самокладок” из четырех стихотворений: “Той”, “Башмачки”, “Ольген-кумыс” и “Таразы”, с предисловием Г. Дружинина, под рубрикой “Из неопубликованного и забытого”. Действительно, ивановские “самокладки” с 20-х годов были забыты (может быть, и самим автором), в печати больше не появились и в восьмитомное собрание

сочинений Вс. Иванова не вошли.

На копии, которую я сняла со стихотворения “Жаурын-кора” (из фондов литературного музея), вы видите почерк Всеволода Иванова. В словах еще встречаются ошибки, он пишет “трещены”, “вещь” - в смысле вещей... Огромная работа над собой, самообразование только начинались.(Это спустя много лет В.Шкловский напишет:"Количество знаний Всеволода было изумительно и разнообразно. Зощенко иногда спрашивал его: "Скажи прямо, какой университет ты кончил, Всеволод?")

Но главное - в сердце живет поэзия:

... Вот лопатку от барана

Положи в костер.

Как страница Аль-Корана

Будет вещь узор.

Наш Пророк святое слово

Начертал на них.

Ветер дунет - в сердце снова

Вспыхнет новый стих...

“Самокладки” неравноценны, среди прекрасных поэтических строк встречаются и откровенно слабые, но они интересны нам как еще одна грань творчества нашего земляка. Впрочем, о том, что Вс. Иванов пробовал в юности заниматься поэзией, свидетельствуют многие современники, в частности, Леонид Мартынов в своей книге “Воздушные фрегаты”.

Сам писатель в дневниковой записи от 3 марта 1943 года пишет об этом так: “... Я вспомнил свои юношеские стихи. Написаны они под Блока, напечатаны были в одном номере газеты, единожды в жизни моей мной редактируемой, номере,

который я сам набрал, сам весь написал и сам продавал (очень плохо), номере, не уцелевшем совсем! Пожалуй, запишу эти стихи из газеты “Согры”, а то опять забуду:

“На улице пыль и ветер,
И треск колокольного звона.
Одно только я заметил -
Пронесли Чудотворную икону.
Две старушки, перекрестясь,
Оправили полушалки.
Город наш, - нищенский князь, -
Смотрит печально и жалко.
Мне ли в краю чужом
Верить вчерашнему сну?
Я же давно пробужден.
Я же противлюсь ему!”

О литературной газете “Согры”, которую Вс. Иванов с другими омскими писателями решил выпускать весной 1918 года, он вспоминал в “Истории моих книг”: “Сограми называется в Западной Сибири поросль, вырастающая на болоте. Название газеты, как видите, было и возвышенное, и глубокомысленное. Насмешники, правда, расшифровали его проще: Союз омских графоманов”.

22 мая 1939 года в дневнике писатель запишет: “... Это мне напомнило 1918 год, когда в Омске организовал я “Цех пролетарских писателей” из трех человек и выпустил литературную газету “Согры”. Газета была искренне советская, - и, наверное, талантливая. И тем не менее, ее обругали в местных “Известиях”. Позже я узнал, почему - оказывается, зарегистрирую я свою организацию в Совете, и все

было бы хорошо...”

О поэтическом творчестве Вс. Иванова вспоминал и В. Каверин в “Освещенных окнах”. На одном из заседаний “Серапионовых братьев” Всеволод читал свою поэму “Сошествие в ад”. Был провал. Друзья сравнивали поэзию и прозу Иванова, и сравнение было не в пользу поэзии. Возвращаясь домой, он выбросил рукопись в Неву...

Директор Омского литературного музея В.С. Вайнерман и главный хранитель фондов Ю.П. Зародова любезно предоставили мне для работы несколько объемистых папок из фонда Вс. Иванова, помогли ксерокопировать несколько интересных документов (за что им большое спасибо!).

С друзьями-казахами

Интересна, например, фотография, где Всеволод Вячеславович снят вместе с народным артистом КазССР Елеубаем Умурзаковым на праздновании 100-летия со дня

рождения Джамбула Джабаева 9 июля 1946 года (фото Ю. Яновского). Подружила этих двух творческих людей совместная работа над фильмом “Амангельды”, снятом на киностудии “Ленфильм” в 1938 году. Сценарий фильма был написан Вс. Ивановым совместно с Б. Майлиным и Г. Мусреповым, а Елеубай Умурзаков исполнял в фильме главную роль - Амангельды.

Вот как вспоминал о начале работы над фильмом-первенцем казахского кино Габит Мусрепов:

“Киноповесть о легендарном батыре была написана по мотивам пьесы “Амангельды”, которую мы создали в содружестве с Беимбетом Майлиным. Материалов об Амангельды имелось тогда более чем достаточно, но опыта работы в кино у нас не было совсем. За помощью решили обратиться к нашему земляку - писателю Всеволоду Иванову. Приехали к нему в Москву, рассказали о своей задумке. Всеволод Вячеславович не сразу откликнулся на наше предложение. Был он в то время очень занят, а дело предстояло сложное и, конечно, необычайно ответственное. Сомнения и колебания его рассеял один разговор, который помню до сих пор. Встретили мы как-то, гуляя в подмосковном лесу, близ ивановской дачи, Александра Александровича Фадеева. Он с огромным любопытством и вниманием выслушал нас, потом сказал, обращаясь к Вс. Иванову: “Не понимаю, как можешь ты отказываться... Да знаешь ли ты, что такое сейчас Казахстан? Вот на декаде слушал я Куляш Байсеитову. Какой голос! И в двадцать четыре года - народная артистка Советского Союза! У нас таких молодых пока нет... Не раздумывай, берись за работу. Создадите такой фильм, что все вас будут благодарить за это, честное слово. Вы ещё вспомните мои слова...”

Беседа сыграла свою роль. Всеволод Иванов с женой Тamarой Владимировной и дочерью вскоре приехали в Казахстан. К этому времени мы уже сделали подстрочник пьесы на русском языке, ознакомили с материалом нашего соавтора. И закипела дружная работа, увлекательная, интересная...” (А. Назаров, “Первенец казахского кино”, “Онер”, А-Ата, 1980).

Еще один редкий любительский снимок: “Вс. Иванов (первый слева) в гостях у Мухтара

Ауэзова (второй слева)”. Всеволода Иванова и М. Ауэзова связывали долгие дружеские отношения. В 1948 году Вс. Иванов напечатал статью о романе “Абай” - “Роман о песне” (“Литературная газета”, 10 ноября), в 1959 году - приветствие по случаю его 60-летия.

Мухтар Ауэзов писал: “Всеволод Вячеславович - большой человек: велик, скромн, честен и чист, как ребенок. Он еще не получил полную оценку, но он получит ее, потому что он очень крупный писатель...”

Письма Вс. Иванова к М. Ауэзову и рассказ об их дружбе были опубликованы в сборнике “Эдесская святыня”, вышедшем в Алматы в 1986 году. В предисловии к

Всеволод Иванов и Каюм Мухамедханов.
Семипалатинск, июнь, 1948 г.

нему Т.В. Иванова развивает тему "Вс. Иванов и Казахстан", рассказывает о своей поездке в столицу республики вместе с мужем и дочерью Таней в 1936 году.

Хранятся в Омском музее и две фотографии Лебяжинской средней

школы, где в 1972 году проходила Ивановская конференция; снимки, где Вс. Иванов стоит среди сотрудников областных газет “Прииртышская правда” и “Ектінды” г. Семипалатинска (4 июня 1948 г.).

Большой интерес представляет машинописная статья известного ивановеда М. Минокина “Встречи и переписка со Всеволодом Ивановым”. Исследователь разыскал в сибирской печати 1915-1920 годов десятки рассказов, очерков, фельетонов Вс. Иванова. Реже они подписывались настоящим именем, а чаще - псевдонимами: Вс. Савицкий, Вс. Шатун, В. Пролетарий, Григорий Тихий, В. Кручинин, В. Таежный, В. Изюмов, В. Тараканов-Иванов и многие другие. “Просто

не верилось, - пишет М. Минокин, - что один начинающий писатель, типографский наборщик, получивший начальное образование, в течение нескольких предреволюционных лет мог печататься в городах Кургане, Петропавловске, Павлодаре, Тюмени, Тобольске, Омске, Красноярске и даже в Петрограде (в 1917 г. были опубликованы два рассказа в “Сборнике пролетарских писателей”).

Тут, я думаю, уместно будет сделать небольшое отступление о громадной работоспособности Всеволода Иванова. Когда М. Горький в одном из первых своих писем посоветовал молодому писателю учиться, Иванов не только штудировал учебники, но и стал переписывать свои любимые произведения. Несколько раз (!) он переписал “Мадам Бовари”, “Войну и мир”, “Гобсека”, “Утраченные иллюзии”, многие рассказы Чехова. (Из книги Антона Иванова “Всеволод Иванов”). По свидетельству Т.В. Ивановой, в молодости он работал по 12-14 часов в сутки, писал сразу несколько вещей. А бесконечные переделки своих произведений! Сравните полные собрания сочинений Вс. Иванова, выпущенные в 30-х и 70-х годах. Редкое произведение не переписано заново! У пьесы “Ломоносов” - 10 вариантов. Роман “Голубые пески” имеет три редакции, причем первые значительно отличаются от последних. Роман “Вулкан” известен в двух вариантах. Первый написан в 1939 году и не опубликован, второй - в 1962 и опубликован в ПСС. Несколько вариантов у романа “Сокровища Александра Маяковского”, примеров можно привести много.

Когда в 1970 году павлодарский журналист Альберт Павлов был в гостях у вдовы писателя Т.В. Ивановой в Лаврушинском переулке и ночевал в кабинете писателя, его поразили огромные шкафы с бумагами. “Что в них?” - спросил он Тамару Владимировну. Та ответила: “Здесь рукописи Всеволода Вячеславовича, около 800 произведений. Большая их часть еще не увидела света...”.

Кроме непосредственной работы - над своими произведениями, Вс. Иванов,

особенно в последние годы жизни, прочитывал множество произведений начинающих авторов - до 100 рукописей в год, часто очень толстых. И не просто прочитывал - делал пометки, писал отзывы...

"Серапионы" - скорпионы

Еще один интересный момент есть в рукописи М. Минокина. Известно, что когда Вс. Иванов приехал по приглашению М. Горького из Омска в Петроград, тот познакомил Всеволода с группой молодых писателей, называвших себя "Серапионовыми братьями". В нее входили Федин, Слонимский, Каверин, Зощенко, Шкловский, Лунц и другие начинающие литераторы. Подобно "Серапионовым братьям" Гофмана, которые собираются в келье умершего пустынноика и рассказывают друг другу придуманные истории, эти молодые писатели собирались в комнате у Михаила Слонимского раз в неделю и читали по очереди свои сочинения.

Вс. Иванова приняли в свой круг и нарекли "братом Алеутом". Хорошее приветствие было у "серапионов". Встречая друг друга, они говорили: "Здравствуй, брат! Писать очень трудно!". История этого литературного кружка не раз описана литературоведами, читали мы о них и в школьных учебниках. Но в жизни, конечно, было не все так гладко, как преподносилось нам в курсе советский литературы.

М. Минокин приводит в своей работе переписку одного из "серапионов" - Льва Лунца с другими членами группы (она была впервые опубликована в Америке в 60-х годах). Лунц писал Вениамину Каверину: "Иванов - чудесный образчик русской корявой некультурности, тупой русской ненависти ко всей культуре. Писания Иванова в литературном смысле безграмотны... Официальная критика считает, что Иванов - сюжетный писатель, "творец партизанской эпопеи". Я считаю это мнение насмешкой".

Каверин отвечает: “Все же у меня хватает еще злости, чтобы наплевать на проклятую размазную ивановскую”.

В кружке десяти молодых литераторов отнюдь не было единства...В черновиках "Истории моих книг" Вс.Иванов писал:"...Жили мы почти голодно, почти дружно и почти весело. ...Мы были безжалостны друг к другу."

Впрочем, к нападкам и более серьезной критики Иванову было не привыкать. За свою писательскую жизнь столько довелось ему перенести... Атмосфера враждебности критики сложилась вокруг Вс. Иванова с конца 20-х годов. Новые произведения писателя или подвергались нападкам, или вообще не печатались (романы 30-х годов “Кремль” и “У”).

“После появления рассказов “Тайное тайных” на меня самым жестоким образом обрушилась рапповская критика, - вспоминал Вс. Иванов в “Истории моих книг”. - Мне никак не представлялось, что “Тайное тайных” вызовет целый поток газетных статей, что меня обвинят во фрейдизме, бергсонианстве, солипсизме, проповеди бессознательного...”.

В письме Н.Н. Яновскому (литературоведу из Омска) Вс. Иванов писал: “... Недавно публичная библиотека в Ленинграде пожелала издать, - в качестве справочника, - выдержки обо мне прессы прежних дней. Мне были присланы - перепечатанными - эти выдержки. Я перечел их - и охнул. Оказывается, ничего, кроме брани, не было - за исключением, конечно, “Бронепоезда”. Забавно, не правда ли?”.

"Рогульки"

В Омском краеведческом музее, в архиве П.Л. Драверта хранится и самый первый, уникальный сборник рассказов Вс. Иванова “Рогульки”, выпущенный им в

количестве 33-х экземпляров (по другим сведениям, 75-и) и давно ставший библиографической редкостью. На оборотной стороне титульного листа напечатано: “Действующая армия. Типография газеты “Вперед”. Омск, 1919. Вагоны № 216 и 521”. Этот тонкий сборничек на сероватой бумаге, из 62-х страниц, Вс. Иванов сам набрал и оттиснул в походной типографии. Известно, что “Рогульки” он подарил Горькому, Блоку, Федину, Мартынову, Сорокину, Анову. Есть этот сборник, кроме Омска, в фонде Вал. Брюсова в Государственной библиотеке в Москве. Это экземпляр в самодельной суперобложке, на титуле - автограф автора: “Раскрывая книжку, помните, что набирал ее, печатал и бумагу покупал на 1200 рублей жалованья сам автор. Вс. Иванов”. Не установлено, лично ли вручил он сборник Брюсову, будучи в Москве или Петрограде, или посылал почтой.

“Очень странная судьба у этой книжки, - пишет П. Косенко в повести “Факир Сиволот” - О ней упоминается, наверное, в каждой работе о зарождении и первых шагах советской литературы, между тем, ее читало от силы несколько десятков кандидатов наук и аспирантов... Рассказов, вошедших в книгу, Всеволод Вячеславович никогда не перепечатывал”.

Старт в большую литературу

Омский период жизни нашего земляка подробно описан в книге Н. Анова “Интервенция в Омске”, в упоминавшихся уже произведениях Л. Мартынова и П. Косенко, в книге очерков “Всеволод Иванов - писатель и человек”. Не будем

повторяться, а просто пройдем по тем местам, которые хранят память о молодом тогда Всеволоде Иванове.

Вот он, дом Сорокина по ул.

Лермонтовской, 28. Вскоре после переезда в Омск из Кургана Вс. Иванов получил открытку с приглашением посетить “короля писателей Антона Сорокина”. Этот талантливый, очень странный и не вполне здоровый человек был в Омске хорошо известен. К тому же они были земляками: Антон Сорокин - павлодарец, чей отец - “миллионщик”, богатый павлодарский купец построил левую часть этого дома, с башенками и балконом, для себя и своей многочисленной семьи. Это было в начале 20 века, а в 1913 году к дому (где тогда уже стал хозяином старший брат) пристроил два этажа “непутевый купеческий сын”, писатель и художник Антон Семенович Сорокин (1884-1928).

Вот в этом доме не раз бывал Всеволод, учился у Сорокина - автора тысяч рассказов и пьес, по большей части неопубликованных, не только мастерству слова,

но и невероятному трудолюбию, привычке писать в любых условиях.

Скандальные поступки “короля писателей” и “мозга Сибири”, эпатазирующие омских мещан, коснулись и Вс. Иванова. Так, А. Сорокин, хороший гравер, выпустил свои деньги, на которых

Л.Леонов, В.Лидин и Вс. Иванов

стояли две подписи: первая - его, а вторая гласила - “Директор Государственного банка Всеволод Иванов”. Несомненно, лишних хлопот Всеволоду Вячеславовичу это добавило...

Запись в дневнике от 8 декабря 1942 года: “В Сибири был у меня знакомый писатель Антон Сорокин, принесший мне много пользы, а того более вреда. Ему казалось, что обычными путями в литературу не пройдешь. И поэтому он, живя в Омске, прибегал к рекламе, называл себя “Великим сибирским писателем” печатал свои деньги, имел марку - горящую свечу. Однажды он напечатал визитные

карточки. Под своей фамилией он велел тиснуть - “Кандидат Нобелевской премии”. Я сказал ему: “Позвольте, Антон Семенович, но ведь вы не получали Нобелевскую премию”. - он, криво улыбаясь в подстриженные усы, ответил: “А я и не говорю, что получил. У меня напечатано - кандидат, а кандидатом себя всякий объявить может”.

А. Сорокин вначале был очень рад, когда его питомец поехал в Петроград и стал много печататься, но потом был страшно разобижен на то, что Всеволод не “проталкивает” в столицах его произведения. Сорокин стал рассылать пасквилы с обвинениями Иванова “в семи смертных грехах”.

Т.В. Иванова в своей книге “Мои современники, какими я их знала” (М., “Советский писатель”, 1987 г.) вспоминает: “Из писем, под диктовку Ирины Семеновны (матери Вс. Иванова - О.Г.) явствует, что Сорокин приезжал к ней в Лебяжье, клеветал на сына и пытался выманить у нее бумаги, оставшиеся от отца и от тебя”. (Потом она привезла их в Москву)”.

В общем, дружба закончилась враждой, и только по вине Сорокина. Он договорился до того, что Вс. Иванов хочет уничтожить его физически... Но всего поразительней конец этой истории. Когда А. Сорокин заболел туберкулезом, жена повезла его в санаторий в Крым. В санаторий его не приняли, так как болезнь была в последней стадии. Они приехали в Москву, Вс. Иванов хлопотал о том, чтобы А. Сорокина поместили в хорошую больницу. А когда тот скончался, именно

“неблагодарный ученик”, а на самом деле - совестливый и порядочный Всеволод Иванов похоронил А. Сорокина на Ваганьковском кладбище Москвы...

А это фотография второго

сохранившегося в Омске дома, где жил Вс. Иванов: Газетный переулок, 3. Здесь находилась гостиница “Деловой двор”, а потом редакция газеты “Советская Сибирь”, в которой он работал. Леонид Мартынов вспоминал о том, что именно в это здание, где располагались “редакция и общежитие сотрудников “Советской Сибири”, привел его А. Сорокин послушать, как Всеволод Иванов читал свою “Фарфоровую избушку”.

Именно отсюда 25 ноября 1920 года отправил начинающий писатель М. Горькому письмо, в котором просил: “Взять меня отсюда, в Питер, где бы я мог работать - то, что желал бы во-первых, а во-вторых - учиться”. Горький написал просьбу к председателю Сибревкома тов. Смирнову, предлагая откомандировать выпускающего газеты “Советская Сибирь” в распоряжение Максима Горького. Судьба молодого писателя была решена...

Редактор Е. Ярославский подписал приказ, Иванову было выдано удостоверение: “Предъявитель сего, сотрудник газеты “Советская Сибирь” т. Всеволод Иванов с женой М.Н. откомандировывается в Петроград”...

Дела семейные

М.Н. - это первая жена Вс. Иванова Мария Николаевна Сеницына. Т.В. Иванова писала в своих воспоминаниях: “Лично я не могу сказать то, что Всеволод никогда ничего о ней не рассказывал, но, не меняя ни имени, ни фамилии, сделал ее персонажем своего романа “Мы едем в Индию”, под псевдонимом “дамы в сиреновой шляпки” ввел в “Похождения факира”.

В Петрограде, по свидетельствам современников, М. Сеницына сошлась с каким-то чешским офицером и уехала с ним за границу. Первый брак писателя явно не был счастливым... Н. Анов описывает, как в Омске однажды Всеволод с женой

пошли в гости, вернулся он оттуда поздно, без жены и стал ножницами разрезать платье Марии Николаевны на “тонкие длинные ленточки”...

Со второй женой - Анной Павловной Весниной Вс. Иванов жил с 1922 по 1927 год. В Петрограде они снимали квартиру на Выборгской стороне, потом вместе приехали в Москву. Дочь Вс. Иванова и Анны Павловны - Иванова-Веснина Мария

Вячеслав Иванов (второй слева) и сын Вячеслав (первый слева) в Читинской области на шахте.

Всеволодовна была актрисой Московского драматического театра.

Чтобы закончить семейную тему, необходимо сказать о том, что с третьей женой - Тamarой Владимировной (урожденной Кашириной) Всеволод Вячеславович, судя по всему, был счастлив. Они прожили долгую совместную жизнь (с 1927 года), воспитали прекрасных детей и внуков.

Огромна заслуга Тamarы Владимировны в том, что после смерти писателя были опубликованы многие его произведения. Книга воспоминаний “Вс. Иванов - писатель и человек”, составителем которой была Т.В. Иванова, выдержала два издания. Тamarа Владимировна умерла в 1995 году и похоронена в одной могиле с мужем на Новодевичьем кладбище.

Омскому литературному музею, как и павлодарскому, жена писателя после его смерти передала много ценных материалов. В экспозиции Омского музея представлены личные вещи Вс. Иванова - походная спиртовка, очки с футляром, карандаш. В архиве хранятся авторские машинописные тексты романа “Проспект Ильича”, малоизвестного произведения писателя “Левша с товарищами и блохой”.

Рукопись романа “Ярмарочные балаганы” надписана Т.В. Ивановой: “Эта машинопись - авторская. Когда Всеволод Иванов печатал сам, он забывал нажимать рычажок, и над строчкой шли буквы...”. Это один из вариантов переделки романа “Похождения факира”. Надпись сделана 20 февраля 1982 года.

И еще одно место в Омске, связанное с именем нашего земляка - улица его имени. Улица Всеволода Иванова, хоть и находится в центре Омска, в районе цирка - очень тихая, небольшая, зеленая. Она тянется вдоль Иртыша. На здании средней школы висит памятная доска: “Улица названа именем писателя Иванова Всеволода Вячеславовича, 1895-1963 гг., жившего в Омске с 1917 по 1921 год”.

Очень насыщенными, беспокойными, голодными и холодными были эти четыре года. (Чего стоит история с “двойником” - белогвардейским журналистом Всеволодом Никаноровичем Ивановым, из-за которого красные чуть не расстреляли Всеволода Вячеславовича...). Непосредственно об Омске эпохи гражданской войны Вс. Иванов писал редко и, так сказать, “служебно”, - отмечал П. Косенко, - без обычной для него работы воображения. Объяснил он это в письме к своему другу, художнику В. Уфимцеву так: “Плохо помню (как все дурное)”. Тем не менее, именно здесь, в Омске началась его известность как яркого, самобытного писателя, отсюда шагнул он в большую литературу.

Во второй части “Похождений факира” я нашла такие строчки об Омске: “... Я бродил по Любинскому проспекту, долго стоял на железном мосту через Омь. Я поднимался к белому дворцу генерал-губернатора. Казаки стояли на часах. Из каменных ворот выскакивали лихие пары коней. Ночью освещался только один Любинский проспект, остальной город лежал во тьме...”.

Москва

Ивановы с внуками.

“Я люблю Москву; я напряженно вслушиваюсь в гул города... и напряженно гляжу ему в глаза, когда иду по бесконечным улицам. Город говорит со мной то мягким, то резким голосом - и я

одинаково люблю этот голос: ведь это голос моего учителя!” - так писал Вс. Иванов в 1958 году.

Приехал он в Москву из Петрограда в 1924 году, уже довольно известным писателем, автором многих рассказов и повестей, и прожил в этом городе до самой смерти. Хотя слова “постоянно жил” в данном случае неприменимы, ведь Всеволод Иванов был неутомимым путешественником, он побывал во многих уголках и Союза, и мира, не раз путешествовал по Сибири. Я думаю, очень любил путешествовать Всеволод Вячеславович еще и потому, что это избавляло его от необходимости участвовать в непрерывных пропагандистских акциях того времени, когда клеймили того или иного литератора, собирали подписи под коллективными письмами и т.д. У Иванова было алиби - "нет в Москве".

Первую квартиру в столице Вс. Иванов получил в 1927 году в доме на Тверском бульваре, 14, в полуподвале. Он купил для квартиры замечательную новинку - моющиеся обои. Они стоили дорого, и на мебель денег не осталось. Всеволод Вячеславович спал на полу, а писал на дощечке, которую клал на колено. Сергей Есенин, с которым в те годы дружил Иванов, придя первый раз в эту

квартиру, очень обрадовался и сказал, что в принципе писатель не должен иметь квартиры, но раз Всеволод спит на полу, то он настоящий писатель. “Поэт должен жить необыкновенно”.

Правда, мебель в квартире все равно появилась, как и многочисленные друзья - писатели, художники, артисты.

О дружбе с Есениным в семье Ивановых сохранилось несколько историй. Например, о том, как с очередного гонорара Есенин и Иванов закупили весь имевшийся в каком-то магазине сельхозинвентарь и хотели ехать с купленным в Константиново, дарить мужикам - землякам поэта, но на билеты денег уже не хватило...

Т.В. Иванова вспоминает о том, что Сергей Есенин надписал свою книгу Вс. Иванову так: “Всеволоду - по гроб”. Есенин начинал писать статью про творчество друга, но она осталась неоконченной (хранится в ЦГАЛИ).

Дружба с Пастернаком

Дружбу с еще одним великим русским поэтом подарила Иванову Москва. Борис Леонидович Пастернак был его соседом как по “Дому писателей” в Лаврушинском переулке, 17, так и по даче в Переделкине. Они познакомились в 1928 году. Б. Пастернак был частым гостем семьи Ивановых, заходил как один, так и с женой - Зинаидой Николаевной, ходили в гости к соседям и Ивановы, праздновали вместе все дни рождения... В писательском поселке Переделкино под Москвой, где они поселились в конце 30-х, встречи были особенно частыми. “Дачи располагались так, - пишет в воспоминаниях Т.В. Иванова, - № 2 - Федин, № 3 - Пастернак, № 4 - Вс. Иванов”.

Двадцать минут на электричке от Киевского вокзала - и вот оно, Переделкино,

дачный поселок писателей. “Святое место Переделкино”, - так назвал его Всеволод Вячеславович (в письме от 2 августа 1962 г. Н.В. Зайцеву, автору книги “Драматургия Всеволода Иванова”). Переделкино встретило легким летним дождем, листья тополей были серебряными от мелких капель... Дачу Вс. Иванова было найти легко, по указателю “Дом-музей Б. Пастернака”. А ивановская, как известно, рядом. Чтобы не ходить в гости окружным путем, через улицу, две семьи протоптали тропинку на задворках участков, через лесок, и раньше эта тропинка никогда не зарастала. Но сейчас, увы... На даче Пастернака - музей, на ивановской, по словам сотрудников, иногда бывает сын писателя - Вячеслав Всеволодович (домашние звали его Кома), всемирно известный ученый, лингвист, академик.

Вяч.Иванов уже 11 лет преподает в Калифорнийском университете, работает в Совете по гуманитарным наукам при Библиотеке конгресса США. В бытность Союза его избирали народным депутатом СССР от Академии наук, он был членом последнего Верховного Совета СССР, руководил Государственной библиотекой иностранной литературы. Как сказал Вячеслав Всеволодович в недавнем интервью "Известиям", полгода он намерен проводить в Америке, полгода - преподавать в российских университетах.

Большей частью дача пустует. Может быть, и в ней со временем откроется мемориальный музей талантливой семьи Ивановых?

“Гроза. Дожди не подряд, а с перерывами. В промежутки грохочет гром, сверкают молнии, - и вся эта дачная местность, с её домиками, заборами из штакетника, грядками огородными... раздвигается до пределов необычайных, почти звездных... Пастернак (встретил его среди сосен, у дороги) лежал в траве...”.

В пятом томе собрания сочинений Б.Л. Пастернака я нашла несколько писем, адресованных Вс. Иванову и его жене. Поэт называет Ивановых “близкими

друзьями”, делится самым сокровенным. В письме от 17.11.41 г., поздравляя Т. Иванову с днем рождения, Борис Леонидович пишет: “Если я пожелаю Вам даже только часть той радости, которую Вы и Всеволод всегда доставляете мне, это уже и в таком случае будет большим пожеланием”.

14 сентября 1941 года поэт пишет О.М. Фрейденберг: “... Я один, но, наверное, буду зимовать вчетвером с Фединым, Всеволодом Ивановым и Леоновым в одной из наших дач”.

5 ноября 1943 года тому же адресату сообщает: “... В Переделкине стояли наши части. Наши вещи вынесли в дом Всеволода Иванова, в том числе большой сундук со множеством папиных масляных этюдов, и вскоре Ивановская дача сгорела до основания”. (В пожаре погибла уникальная библиотека Всеволода Вячеславовича, которую он собирал почти тридцать лет. От дачи остался лишь фундамент).

Когда началась травля Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии, члены семьи Ивановых были из тех, кто поддержал великого поэта. Сын писателя Вячеслав Всеволодович Иванов был уволен из института, где работал в то время, “за связь с Пастернаком”.

Цветаева, Ахмадулина

Запись в дневнике Вс. Иванова 22 марта 1956 года: “Позвонил К. Зелинский, которому Кома, за его поганую статью о поэзии, не подал руки...”. (Конфликт Вяч. Иванова с критиком Корнелием Зелинским был связан с “Делом Пастернака” и с публикацией ряда критических статей о поэте).

Тот, кто знает и любит поэзию, несомненно, сделал бы то же, что и Вячеслав Иванов. Это тот самый К.Л. Зелинский, который навесил ярлык Павлу Васильеву:

"Певец сибирского кулака" (после чтения поэтом поэмы "Соляной бунт" в редакции "Нового мира" в апреле 1933 года). Это тот самый Зелинский, который "зарубил" сборник стихотворений М. Цветаевой, подготовленный ею в конце 1940 года. Последний прижизненный цветаевский неосуществленный сборник, на который она возлагала такие надежды... Его предложил издать Гослитиздат, М. Цветаева подготовила рукопись, куда вошло 142 стихотворения 1920-1925 годов. К изданию сборник принят не был, потому что получил отрицательную рецензию Зелинского (хранится в ЦГАЛИ).

Возвращению Марины Цветаевой в русскую литературу способствовали "Тарусские страницы" - литературный сборник, выпущенный в 1961 году в Калуге. Он был подготовлен К. Паустовским. Появление его даже на фоне оттепели вызвало большой резонанс. В сборник вошли повесть Б. Окуджавы "Будь здоров, школяр", главы повести К. Паустовского "Золотая роза", стихи Н. Коржавина и другие литературные произведения, не принятые центральными журналами и издательствами.

Ядром этого сборника стала публикация стихов М. Цветаевой (около 50 стихотворений).

Именно Всеволод Иванов написал в сентябре 1961 г. предисловие к этой публикации "Поэзия Марины Цветаевой", так как всегда высоко ценил ее творчество. Благодаря этому изданию с предисловием Вс. Иванова поэзия Марины Цветаевой вернулась к читателям после долгих лет умолчания (см. комментарии М.А. Черняк к "Дневникам" Вс. Иванова).

Последние девять лет своей жизни Вс.Иванов был председателем приемной комиссии СП СССР и выпускной экзаменационной комиссии Литературного института, где ему было присвоено звание профессора. По словам Т.В.Ивановой,

никогда не полагался он на оценки других рецензентов и особенно тщательно знакомился всегда с "забракованными" рукописями, часто добиваясь как приема в Союз писателей "забракованных" авторов, так и диплома с отличием для тех студентов, которые получили особо суровую оценку других рецензентов.

Белла Ахмадулина, выступая в различных аудиториях, не раз рассказывала, как защитил ее (тогда студентку Литинститута) Всеволод Вячеславович Иванов от других членов выпускной комиссии.

Б. Пастернак и Вс. Иванов любили и ценили творчество друг друга, дружба

Вс. Иванов с внуком Антоном (сыном Татьяны). 1952 г. Сейчас Антон Иванов - детский писатель.

была не просто "житейской". В своем очерке о поэте Т.В. Иванова пишет: "Борису Леонидовичу нравилась патриархальность нашей семьи, где дружно жили вместе 4 поколения: от прабабушки до правнука. Нравилось ему, что основой нашей жизни, как он выражался, была "духовность, а не материальность". Одну из своих книг Б. Пастернак подписал так: "Всеволоду Иванову - торжеству жизни, ярко и фантастически вторгшейся в искусство и

утвердившейся в нем, и, кроме того, другу моему".

А вот какой экспромт поэта записала Тамара Владимировна за ужином у К. Федина (24 февраля 1958 г.):

... Я не свинья, не поросенок,

И не согласен ими быть -

Но как во сне, так и спросонок

Готов за Всеволода пить!

Когда Б. Пастернак умер, Вс. Иванов был председателем комиссии по литературному наследию поэта, а Т.В. Иванова - ее секретарем.

Но вернемся к военным годам. Летом 1943 года Вс. Иванов и Б. Пастернак ездили вместе на фронт (Орловско-Курская дуга). В черновиках “Истории моих книг” Вс. Иванов описывает их встречу с генералами советской армии и выступление на ней Пастернака.

В годы войны Вс. Иванов работает очень напряженно. Почти каждый день в “Известиях” появляется статья писателя. Кроме того, он пишет и художественные вещи - “Военный роман”, фантастические рассказы, работает над сценарием фильма “Пархоменко”. Кроме Орловско-Курской дуги, он ездил и на Западный фронт. Был свидетелем штурма Берлина, привезя в Москву после победы камень из здания рейхстага. В том же году еще раз был в Германии - как представитель советской печати на Нюрнбергском процессе. После этой поездки начал писать роман “При взятии Берлина”, который был напечатан в “Новом мире”.

Лаврушинский переулок, 17. Квартира на четвертом этаже этого монументального здания в стиле тридцатых годов стала домом Вс. Иванова до конца его жизни. Кроме Пастернака, здесь жили Шкловский, Эренбург, Федин, Сельвинский и другие писатели. В дневниках писателя немало упоминаний об этом доме. Запись от 22 июля 1941 года. В этот день писатель приехал в Лаврушинский из Переделкина. Объявили тревогу, и он вместе с пожарниками полез на крышу: “...Мы выглянули через парапет, окружающий крышу дома. Вижу - на крышах словно горели электрические лампочки - это лежали зажигательные бомбы. Было отчетливо видно, как какой-то парень из дома с проходным двором сбросил лопатой, словно навоз, бомбу во двор и она там погасла. То же самое сделали и с

крыши Третьяковской галереи и с ампирного домика рядом с галереей...”.

В 1942 году Вс. Иванов с женой жили в гостинице “Москва”, так как в Лаврушенском не топили, и “ветер свистел в высаженных взрывной волной оконных проемах”. Запись от 1 ноября: “Ходил в Лаврушенский, рылся в холодных книгах, - и любовался философией, которую не растащили, слава богу. Лестница освещается лучами сквозь прорванную бумагу, на площадках побуревшие мешки с песком, а секции отопления сняты...”.

Эти зарисовки военного быта постоянно перемежаются в дневниках мучительными размышлениями о сути жизни и творчества, о взаимоотношениях власти и художника. Всеволод Иванов, выбрав путь “внутренней эмиграции”, старался поменьше соприкасаться с властями, хотя не всегда это ему удавалось.

Письмо Сталину

Как известно, Вс. Иванов вместе с другими литераторами встречался со Сталиным, Ворошиловым, Кагановичем, Молотовым и Постышевым на квартире Горького 26 октября 1932 года. На встрече - с вином и закусками - обсуждалось создание писательского союза, Сталин объяснял партийную политику по отношению к литературе, обещал всяческую поддержку. Есть даже большая картина "Встреча писателей на квартире А.М.Горького в 1932 году" (художники А.Н.Яр-Кравченко и А.П.Зарубин).

В 1934 году был создан Союз советских писателей, прошел его первый съезд. Одним из секретарей правления союза стал Вс. Иванов, выбрали его и председателем правления Литературного фонда. Но при всей кипучей общественной деятельности не оставляли писателя мучительные мысли о том, что был предан он, по его словам, “той идеальной революции, которой никогда не было”. И во имя

этого фантома “наступал на горло собственной песне”.

В дневниках постоянно звучат сомнения в истинности тех идеалов, в которые он верил в юности. И, наверное, как ни скрывал писатель от других свои сомнения, они чувствовались. 22 мая 1939 г. Вс. Иванов делает запись в дневнике: “... Фадеев передал мне слова хозяина: “Иванов себе на уме”.

По воспоминаниям Вяч. Вс. Иванова, эти слова Сталина были сказаны при разговоре о присуждении орденов. Вс. Иванову был присужден тогда орден Трудового Красного Знамени вместо предполагавшегося первоначально ордена Ленина.

Т.В. Иванова как-то написала, что Всеволод Вячеславович был необычен тем, что почти всегда поступал вопреки установившимся канонам поведения. К таким неординарным поступкам можно отнести письмо Сталину от 21 октября 1939 года, написанное, в общем-то, по пустячному поводу. Вс. Иванов описывает, как вместе с К. Тренивым они приехали в райком (для заполнения анкет в качестве кандидатов в Моссовет). Там в присутствии К. Федина и В. Бахметьева, уже заполнявших анкеты (выдали анкету и Трениву), член райкома некая Петрова начала расспрашивать, давно ли он в партии. Читая старую анкету, сказала, что Вс. Иванов был в партии меньшевиков, “... вопросов больше не задает, подозрительно хмыкая и поглядывая на меня. Затем, прочтя всю анкету, говорит:

- Вы свободны”.

И Вс. Иванов описывает Сталину, как по причине политической безграмотности, в 1918 году в Омске он стал членом партии с.-д.-интернационалистов, как осенью 1919 года с помощью А. Сорокина устроился в

типографию колчаковской газеты “Вперед” и “написал в эту газетку несколько статей антисоветских, и один или два рассказа...”.

Писать об этом Сталину - в 1939 году! - было, конечно, безумием.

Факт, что в присутствии других писателей ему не выдали анкету Моссовета, Вс. Иванов посчитал таким оскорблением, которое почти несовместимо с жизнью, ну, по крайней мере, - со свободой.

“... Я предпочел бы заключение, суд и все что нужно, если меня считают преступником, чем такое издевательство...”.

К счастью, письмо осталось без последствий.

Белый шиповник

“Излишними” называли иные литераторы скромность и честность писателя. “Многие... не могут себе представить, - писала Т.В. Иванова, - что, будучи... одним из секретарей правления СП СССР и председателем правления Литфонда, Всеволод ни разу не воспользовался своим положением для воздействия на редакции, отказывавшиеся печатать его произведения”. Более того, - работая заведующим отделом прозы “Красной нови”, он никогда не пользовался своим положением, никогда не козырял дружбой с Горьким и т.д. “Всегда и во всем он винил только себя”.

До конца жизни он оставался неисправивым романтиком. В 1959 году осуществилась мечта “факира Сиволота” - вместе с Тamarой Владимировной они поехали в Индию, до которой он так и не дошел в свои юношеские годы.

Когда Всеволод Вячеславович оказался на берегу Ганга, то, как был - в белом костюме и шляпе, с тростью в руке, шагнул в Ганг и поплыл. “Оступился”, - смущенно объяснял он потом спутникам.

Юмор не покидал нашего земляка в любых, самых трагических ситуациях. “После возвращения из последнего путешествия по Сибири в 1962 году Вс. Иванова положили в больницу. Диагноз был страшный: гипернефрома, т.е. рак почки, - пишет Т.В. Иванова. - Я уговорила врачей скрыть от него диагноз - сказать, что у него камни в почке, требующие удаления. Он поверил. Острил, что страсть к собиранию редких камней не обошлась ему даром... И до операции, и после писал дневниковые записи, которые озаглавил: “Рассказы, придуманные на больничной койке”.

Боли становились все сильнее и сильнее. Он впадал в полузабытье. Один раз, очнувшись, увидел, что жена, дежурившая у его постели, плачет.

- Ну что ты, Тамара, - успокаивал он ее, - как ты не понимаешь? Мы плывем на корабле, а я у руля, ветер нам прямо в лицо, и от этого болит голова. Ничего страшного.

Всеволод Иванов был похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы. Вот его могила - два больших камня, на одном из которых выбиты имя, фамилия и годы жизни: “Всеволод Иванов, 1895-1963”. Рассыпаны вокруг камни поменьше - как память о той коллекции, которую он собирал всю свою жизнь.

Цветет на его могиле белый шиповник. Наверное, посажен он не случайно. Микола Бажан, известный украинский поэт, близкий друг Вс. Иванова, посвятил его памяти стихотворение “Белый цвет шиповника”. В нем поэт вспоминает их совместную поездку во Владимир, впечатления о Покровской церкви на реке Нерли:

“Священный этот храм

Встал, как порыв души, безудержный и смелый,

Поднявшись к высоте, к бездонным небесам.

Мой друг, как хорошо он эти знал порывы,

Боль горьких неудач и триумфальный взлет..."

На гранитном камне, пригревшись на июньском солнце, сидела белая бабочка. Вначале я приняла ее за опавший лепесток белого шиповника. А она вдруг вспорхнула и улетела...

Уже приехав в Павлодар, дочитывая очерк Т.В. Ивановой "О себе самой", я вспомнила ту белую бабочку:

"Вс. Иванов много думал о восточных сутрах (стихотворениях-афоризмах), даже собирался проанализировать их в специальном труде.

Одна из любимых его сутр вопрошает: "Что являет собой смерть - начало или конец? Можно ведь земное обличие человека рассматривать как куколку, из которой выпорхнет (при смерти) душа-бабочка..."

Павлодар